

Дом Поэзии

*С французского **

Вот уже более ста лет по страницам поэтических монографий кочует репродукция картины Фантен-Латура «Угол стола», где в окружении друзей-поэтов сидят Верлен и Рембо. Время — 1872 год, место — гостиная в особняке Эмиля Блемона, поэта и мецената, одного из центральных персонажей полотна. Картину, ставшую хрестоматийной не столько для истории живописи, сколько для истории литературы, Эмиль Блемон передал в Лувр, а свой дом завещал парижским поэтам. Теперь здесь Дом Поэзии, где усилиями Административного совета из семи человек: Жака Шарпантро (председатель), Робера Удло (генеральный секретарь), Мишеля Конта, Клер де ла Сужоль, Жана Леставеля, Бернара Лоррена, Жан-Люка Моро — поддерживается жизнь литературного салона, привлекающая любителей поэзии, увы, немногочисленных — во всяком случае, по российским меркам — в сегодняшнем Париже.

Известно, что широкая публика во Франции отвернулась от поэзии. Поэтические сборники не раскупаются, и даже юные девушки давно не грезят над томиками стихов, как в былые времена. Правда, поэты Сопротивления сумели в годы оккупации найти путь к многотысячной аудитории, чему, впрочем, отчасти способствовали гонения и цензурные запреты немецких властей. Однако после войны интеллектуальная, подчас герметичная современная поэзия оттолкнула основную массу читателей, требуя слишком сложных умственных усилий, необходимых для чтения-сотворчества. Живой контакт между публикой и стихотворцами оказался надолго нарушен. Надежда восстановить этот контакт, сокрушить «башню из слоновой кости», где нынешние поэты очутились, по существу, против воли, объединила вокруг Дома Поэзии на улице Баллю группу поэтов, из которых мы представляем сегодня читателям пятерых: Жака Шарпантро, Жана Леставеля, Робера Удло, Люка Декон и Жан-Люка Моро, чьи последние книги вышли в недавно созданном при Доме Поэзии небольшом издательстве.

* Дом Поэзии. ЖАК ШАРПАНТРО. ЖАН-ЛЮК МОРО. ЖАН ЛЕСТАВЕЛЬ. РОБЕР УДЛО. ЛЮК ДЕКОН *(Стихи. Перевод с французского М. Яснова, Н. Шаховской, И. Кузнецовой, М. Ваксмахера. Вступление И. Кузнецовой)* // *Иностранная литература*, 1994, № 12, 181–193.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://imwerden.de>

Этот литературный союз никак не может быть назван школой. Однако в отличие от другого парижского Дома Поэзии, основанного замечательным поэтом Пьером Эмманюэлем, где тоже устраиваются поэтические чтения для публики, в Доме Поэзии на улице Баллю собираются единомышленники, и даже не просто единомышленники, а чуть ли не ниспровергатели литературной нормы, задумавшие на исходе столетия возвратить поэзии внутренний музыкальный строй и ясность мысли. Видимо, мятежный дух Рембо все еще витает в этих стенах, заражая бунтарством уже далеко не молодых, известных, давно печатающихся авторов. Их декларированный возврат к французской поэтической традиции, по сути своей как бы антибунтарский, звучит тем не менее в сегодняшней литературной жизни Франции как шокирующий вызов. Пускаясь на свой «дерзкий эксперимент», они рисковали столкнуться с высокомерным пренебрежением критиков и собратьев по перу, давно уже рассматривающих не только рифму, но и любую традиционную организацию стиха как пахнувший нафталином пережиток.

«Мне хотелось, — пишет Жан Леставель в послесловии к своему сборнику, выпущенному издательством Дома Поэзии, — победить в себе табу, от которого я до сих пор был внутренне несвободен, — запрет писать и публиковать рифмованные стихи». Люк Декон, один из старейших французских поэтов, получивший известность еще до войны и представленный не в одной антологии, вынужден оправдываться и объяснять, что его обращение к рифме и ассонансу не есть «регресс», что это константа его творчества. Даже в верлибрах, если они принадлежат «поэту милостью божьей», непременно присутствуют, утверждает Декон, и внутренние рифмы, и ритм. Он считает музыкальность «счастливым роком французской речи», от которого не уйти настоящему поэту.

Французская рифма поплатилась за свою относительную легкость, даже некоторую назойливость, связанную с морфологией французского языка. В обновленной поэзии XX века она была признана ненужной формальностью, чем-то вроде безвкусных виньеток, затеняющих смысл. Сегодня это как бы общее место, не тема для разговора. Однако именно в этом поэт поколения шестьдесят восьмого, Жан-Люк Моро, изучавший когда-то русский язык в Московском университете, видит причину непопулярности поэзии во Франции. Он отстаивает рифму с позиции знатока и переводчика поэзии русской: «Русская поэзия напевна, в ней есть что-то от моцартовской гармонии, поэтому в России стихи любят и читают. Считается, что французская рифма исчерпана, затаскана. Неправда, новые рифмы всегда можно найти. Но это не главное,

главное — свежесть слов». И цитирует Ахматову: «Нам свежесть слов и чувства простоту...»

Сама по себе рифма для этого круга поэтов действительно не главное. Робер Удло, например, включает в свой сборник, вышедший в издательстве Дома Поэзии, стихи в прозе, вовсе не считая, что одна лишь рифма может быть носителем гармонии. Однако его стихи приводят на память забытое слово «лиризм» — еще одно понятие, давно ушедшее из французского поэтического лексикона.

Но защита традиции тоже имеет свою традицию. Еще до войны вокруг поэта Рене Ги Каду (1920—1951) сложился кружок поэтов (Жак Руссло, Марсель Беалю, Жан Фоллен, Люк Беримон и др.), известный под названием Рошфорской школы. Слово «школа» и в этом случае не следует понимать буквально, ибо, как и у тех поэтов, о которых идет речь, у них была только одна общая задача — «вывести отечественную лирику из дебрей головоломных мудрствований и чрезмерных ухищрений, оздоровить, вернув ей сердечную теплоту, добрую улыбку, прелесть непосредственного и естественного переживания» (С. Великовский). К Рошфорской школе был близок и Люк Декон. Вдова Рене Ги Каду, поэтесса Элен Каду, входит в руководство Дома Поэзии. Это не возрождение Рошфорской школы, а лишь еще один шаг на том же пути.

Сейчас, в критический для французской поэзии момент, когда самый крупный поэтический журнал Франции «Аксон поэтик» ведет на своих страницах дискуссию о том, должна ли, может ли поэзия как форма литературного творчества исчезнуть совсем, попытка возврата к традиционным приемам, к поэтическому наследству прошлого выглядит вполне логичной. Но вопрос в том, как «оприходовать» это наследство после ста лет беспощадного отрицания, совсем не прост, и каждый из пятерых представленных в подборке поэтов решает его по-разному, всякий раз заново, но всегда в соответствии с мироощущением человека сегодняшнего.

И. КУЗНЕЦОВА

ЖАК ШАРПАНТРО

Из сборника «ЗОЛОТАЯ НИТЬ» (1990)

Весна

Брожу сегодня день-деньской
Вдоль Сены в обществе почтенном
С Карко, Нервалем и Верленом,
С Бодлером, в гуще городской,
И время, кажется в толпе нам,
Само становится рекой.

Весна уже за поворотом:
Спешит на остров Сен-Луи
Одеть листвой кусты свои,
Дать волю праздничным заботам, —
А болтунишки воробьи
Ее распишут, как по нотам.

Поэты — ровни. Им легко,
Смеясь, брести весенним сквером —
Деснос, Превер с Аполлинером...
Весна. И солнце высоко.
А вот блистательный пример им —
Наш славный мэтр Виктор Гюго.

Весной Париж наполнен светом.
Вовсю синее небо свод.
Сегодня каждый — стихоплет,
И день хорош по всем приметам.
Нас в лавку букинист зовет —
О, вот где благодать поэтам!

Глаза, чтобы видеть

Река пересекает город.
Старые дома с островерхими крышами
ровными рядами тянутся по берегам.
Ребенок
склоняется над перилами моста,
увлеченный отражениями.
И там,
из реки,
из воды,
поднимается прямо к нему
зеленый лес.

Под музыку

Дом
срублен из свежих бревен
и еще полон птиц.
Уже спозаранок они поют —
из-под каждой доски
раздается весеннее пенье.
Они распрямляют перья,
они расправляют крылья,
они готовы к полету,
и новый дом трепещет
каждым своим гнездом.
И вот
он отрывается от земли.
Медленно поднимается.
И песня любви
исчезает следом за ним
в утреннем небе.

* * *

Жизнь моя
сверкает под солнцем,
как мыльный пузырь,
наполненный легким и светлым
дыханьем любви;
она расцветает в небе,
вся в фиолетовых отсветах
живой, трепещущей крови —
и лопается от счастья.

* * *

У нашего дома
будут окна без стекол,
будут прозрачные стены,
осязаемые только нами.
Дом наш будет распахнут
всем ветрам,
из любого уголка земли
несущим запахи, подобранные на дорогах,
ароматы далеких берегов,
внятные тем, кто их слышит.
Дом наш будет легко покоиться
на наших плечах,
и стены не станут
давить на тех, кто войдет к нам в двери,
раскрытые веснам.
Дом наш, чистый и хрупкий.
увидят лишь те,
кто замечает былинки
на откосах железных дорог.
И на самом верху, рядом с небом,
будет наша комната,
украшенная звездами
и переходящая в необъятность.

Метафизическое

На веревке моя рубаха
раздувается ветром.
Внутри никого.
Не видно души,
повешенной на просушку.

Каждому своя работа

На заре
чья-то рука
развеивает облака
и начинает высаживать
деревья
одно за другим
на земле,
сырой от росы.
Буки,
дубы
и в особенности березы,
и разные виды
других деревьев,
более хрупких,
с неизвестными названиями.
Одно дуновение —
и листва трепещет.
К вечеру
лес
будет готов
к приему ночных зверей.

На чародейском рынке

На чародейском рынке,
На рынке ведьм и фей,
Предложат жабу в крынке,
И ящериц, и змей.
И два яйца гадюки
Вам вложат прямо в руки,
И глаз волшебной шуки,
Что глянет, покосясь,
И колдовскую мазь.

На чародейском рынке,
На рынке ведовском,
Вам продадут в корзинке
Кота с таким хвостом,
Который так замашет —
Что целый мир запляшет.
Кому гнилой воды глоток?
Летучей мыши коготок?
Кому котел и ступа —
Отличная, из дуба?
А вот метла — всего за грош,
Дешевле метел не найдешь!

На чародейском рынке,
На рынке ворожбы,
Встречаются новинки —
Ходячие гробы.
Здесь все, что пригодится:
Сушеная мокрица,
Толченный мухомор,
И кочерга, и свечка,
И едкое словечко,
И ядовитый взор.

На чародейском рынке,
На рынке злых старух,
Вам продадут пылинки,
И тлен, и прах, и пух,
Кулек вареных мух
И нить от паутинки.

На чародейском рынке,
На рынке злобных чар
Подсунут вам слезинки,
Трясучку, боль и жар.
Вот говорящий ворон —
Несет коварный вздор он.
А вот танцующий скелет:
Махнул, мелькнул — и нет как нет.

Пусть множество тропинок
Ведет сквозь лес густой
На чародейский рынок,
На рынок ведовской,
Туда вы — ни ногою,
Там плутовской народ
Окружит вас толпою
И в клетку увлечет.
Потом, на радость рынку,
Там превратят вас в свинку
И в несколько минут
На мясо и щетинку
Зевакам продадут.

ЖАН-ЛЮК МОРО

Из сборника «УЗДА НА СЕРДЦЕ» (1990)

Октябрь

Дымок травы, горящей по долинам.
Немного пепла в воздухе пустынном...

И аромат давлен по садам,
И запах тьмы и цвели по углам...

Сверчок, неумолкающий, осенний,
И дверь, и скрип, и ключ от сновидений...

Ночь погребов, где бодрствует один
Дух, старый дух новорожденных вин...

Сад

Дрозд наклевался всласть — и видит птичьи сны
В своем гнезде, в тени ветвистой бузины;
Спит майский жук в траве; забылся дремой сладкой
Кот, стерегущий птиц за помидорной грядкой;
Вполглаза ящерка задумчиво следит,
Как шмель зигзагами заштриховал зенит;
И это все поэт, под шляпою своею,
Рифмует, нагишом на жарком солнце млея.

Из сборника «ДЕРЕВО НА ВЕТКЕ» (1980)

Кружился снег...

Кружился снег ночной порой
Над деревенькой и рекой;

Кружился снег над колокольней,
Над пасекой и крышей школьной;

Кружился снег всю ночь подряд
Над кладбищем, где тени спят;

Кружился снег — белели кроны
И распускались, как бутоны.

Если хочешь...

Если хочешь, мы, Жюли,
Побредем на край земли,

К югу — до Италии,
Африки — и далее.

Если хочешь, мы, Жюли,
Прибредем на край земли,

Жить в стране Печалии,
Льдинии, Снежалии...

Из сборника «СТИХИ ЗЕЛеноЙ МЫШКИ» (1992)

Спичка и сигара

Спичка влюбилась
В большую сигару —
И потянулась к ней
С пылу и с жару,
И на себе
Убедиться смогла,
Что от любви
Мы сгораем дотла.

Пустячок

— Что милей, плутовка,
Если выбирать:
Божьей ли коровкой
Иль коровой стать?

А она, приметьте,
Говорит в ответ:
— Лучше вы ответьте,
Дорогой поэт,

Что вам, для примера,
Больше по нутру —
Петь: «Тра-ля-ля-лере»
Или: «Тру-ру-ру»?

Стихи, не вошедшие в сборники (1993)

Засада

Тени сгущаются понемногу,
Ночь надо мною встает стеной.
Может быть, это — сумерки Бога,
Бога, выслеживаемого мной?

Стих мой высветил ярким кругом
Логово, грянул победный рог,
Но Бог улыбнулся моим потугам
И, окопавшись во тьме, залег.

Как браконьер, я таюсь в пустынной
Роще, расставив силки стихов:
Придет ли он с песнею лебединой,
Исчезнет ли с пением петухов?

Каждый капкан ему — как подмога,
Ясность скрывает его в тиши.
Он!.. Подбегаю... Но вместо Бога —
Волчья яма моей души.

Перевод Михаила Яснова

ЖАН ЛЕСТАВЕЛЬ

Из сборника «УХОДЫ» (1992)

Дитя простора

Давно уж мне иной не открывался вид,
Чем серенький пейзаж с продрогшими кустами,
С прудами черными среди больных ракич,
Где только воронье над мерзлыми полями
В предзимних сумерках от голода кричит.

Блуждал я много лет в кирпичных Вавилонах
Угрюмых городов, в безликих номерах,
Где эхо не поет в колодцах законных
И мертвенный пейзаж двойится в зеркалах,
Казенной лампочкой уныло освещенных.

Но я — дитя живых и дышащих просторов.
Ни сирым пустошам, ни желчи городов,
Ни небу дымному, придавленный которым,
Я бился в стены лбом, не взять меня измором,
Не заглушить во мне родного моря зов.

И память не дает с тюрьмою примириться:
Пускай хоть все пути приводят к тупику —
Мне снятся, беря изгнания тоску,
В раздолии ветров свобода вольной птицы
И шумный росплеск волн по мокрому песку.

Апрель

На солнце, что блестит, как желтая солома,
И морщит смехом мне лицо,
Встречаю я апрель, по-новому легко
Толкуя проповедь Былого.

Окно мое — тропа для божиих коровок.
Вот с ними вверимся и мы
Блаженному теплу и синеве весны —
А все само воскреснет снова.

Вестники

Когда дрожит чердак под натиском ночей,
Ветров и ноября — тогда в сердцах детей
Рождаются порой морские чудо-птицы.

И страшно женщинам, когда залетный стон
Над кровлями села пойдет кружить и плакать,
И ветер, возвестив надолго мглу и слякоть,
Вздывается окрест и крепнет, взяв разгон.

Смотрите: огонек. Там лампу засветили,
Там дом, убежище — скорей бежим туда:
Вот-вот, отрезав путь, подыметесь вода —
А даль и диких птиц туманы поглотили.

Надежен ли корабль, что спящих в ночь несет,
Не отплывет ли дом в моря, порвав швартовы?
Метанья черных стай, что значат ваши зовы,
Что нам пророчит ваш неистовый полет?

РОБЕР УДЛО

Из сборника «ЧЕРНЫЙ ЛАВР И ДРУГИЕ СТИХИ» (1991)

Сады Аланкура

Садами шла весна, и била ей во славу
Дробь пулеметная в гигантский барабан.

И я лежал ничком в веселых буйных травах,
Своею юностью и всей любовью пьян.

Душистой свежестью земля в лицо дышала,
Как над возлюбленной, склонялся я над ней.

И тех, кто ей умел понравиться, венчала
Смерть, странное дитя тех чудных майских дней.

В плодовых тех садах, среди цветенья мая
Я истинно тогда, глубоко счастлив был.

Увы! теперь в глазах лишь насыпи могил,
И нет на них цветов — одна листва гнилая.

* * *

Рыбкой гибкой под волну
Взбаламученного ложа
Ты, сетей не потревожа,
В сон уходишь, в глубину.

Поскорей, заря, займись:
Обнажит отлив глубины —
И без снасти рыбку выну
На солено-сладкий бриз.

Перевод Натальи Шаховской

13

В одиночестве, осенним вечером, ждать последнего поезда на платформе маленькой станции — какое печальное свиданье с самим собой! Враждебная и загадочная, как в начале времен, тьма не спеша поглощает леса и поля. Все живое смолкает, прячется в гнезда и норы, и вот уже ни единый звук не нарушает пугающего безмолвия, лишь пролетает порой торопливая птица, да ветер доносит с болот тихий жалобный зов какой-то неведомой твари.

Если сердце хранит горьковатые запахи детства, то в такие минуты его затопляет бесконечная грусть, ибо нет тяжелей одиночества, чем в сгустившихся сумерках, когда все распадается и исчезает. И какой теперь поезд, будь то даже последний, остановится здесь ради странного путника без лица и души? Его затащили в свой омут тревога и тьма, и он, постепенно смиряясь, соглашается в них раствориться.

Перевод Ирины Кузнецовой

Из цикла «СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ»

* * *

Что там темнеет вдали над холмами, туман или дождь? Или это из леса выбралась ночь и сюда приближается тихо? Похоже, дорога никуда не ведет, и мои шаги отдаются только во мне.

О одиночество, немое, застывшее, точно лики мертвых светил, я снова с тобою встречаюсь у поворота дороги. Но, меня столько раз предававшее, ты не будешь мне больше прибежищем, ты спокойствия сердцу не дашь. Одиночество, красавица мнимая под густыми слоями румян, земля бесплодная, голая, на которую поэты ложатся — и умирают на ней.

Перевод Мориса Ваксмахера

ЛЮК ДЕКОН

Из сборника «ПОЭЗИЯ» (1992)

Все эти люди

Для кого-то прогулки бессонной
С темнотой наступает пора.
Люди грезят в кафе до утра,
Превращаясь в сомнамбул неона.

А другие выходят искать,
Заблудившись во тьме безотрадной,
Овдовевшую вновь Ариадну,
Чтоб ей больше, чем просит, отдать.

Кто-то мечется в смутной тревоге,
Ночь их душил гнетущей тоской —
Этим дарит недолгий покой
Черный свет фонарей у дороги.

Есть любители сценок ночных,
Постояльцы скамей деревянных,
Много нищих и бесталанных,
Нелюбимых, нелепых, смешных...

Каждый, тьмой прикрываясь, как маской,
Вышел с тайной надеждой во мрак.
Люди вроде бездомных собак:
Ждут, что утро им сделает знак
И утешит бесхитростной лаской.

Существование

О, твои невесомые руки!
Солнца свет, преломленный в воде,
Руки — снег, руки — небо в паденье,
Руки — бликов слепящих сплетенье,
Руки — день в пелене облаков,
Руки мягкие, мох для птенцов,
Руки — пламя без пепла и дыма,
Руки — струи, текущие мимо,
Руки — прихоть, свобода, каприз,
Оправданье мое и девиз,
Руки — слезы в потоке весеннем,
Руки нежные, легким движеньем
Разорвавшие ночи петлю...

Я целую, люблю, существую,
СУЩЕСТВУЮ, ИБО ЛЮБЛЮ.

Перевод Ирины Кузнецовой

Об авторах

ЖАК ШАРПАНТРО (JACQUES CHARPENTREAU; род. в 1928 г.) — председатель парижского Дома Поэзии. Начал печататься в 1955 г., выпустил около двадцати поэтических сборников для взрослых и детей, несколько сборников сказок и рассказов, две книги поэтических переводов с английского, много поэтических антологий. Вице-президент Информационно-исследовательского центра литературы для юношества, лауреат премии Дома Поэзии.

Публикуемые стихи взяты из его сборников «Где ты, волк?» (*“Loup y es-tu?”*, 1987), «Море-любовь» (*“La mer, l’amour”*, 1989), «Образы» (*“Images”*, 1989), «Золотая нить» (*“Le fil d’or”*, 1990), «Сокровенный музей» (*“Musée secret”*, 1992).

ЖАН-ЛЮК МОРО (JEAN-LUC MOREAU; род. в 1937 г.) — поэт и переводчик, член Совета парижского Дома Поэзии, лауреат премий Мориса Карема и Тристана Тцара. Преподает угро-финские языки в Институте восточных языков и цивилизаций. Автор книг «Московия» (*“Moscovie”*, 1964), «Под маской слов» (*“Sous le masque des mots”*, 1969), детских рассказов, составитель поэтических антологий, в том числе и русской поэзии.

Публикуемые стихи взяты из сборников «Дерево на ветке» (*“L’arbre perché”*, 1980), «Узда на сердце» (*“La bride sur le cœur”*, 1990), «Стихи зеленой мышки» (*“Poèmes de la souris verte”*, 1992).

ЖАН ЛЕСТАВЕЛЬ (JEAN LESTAVEL; род. в 1920 г.) — поэт, член Совета парижского Дома Поэзии. Консультант Совета Европы. Печатается с 1954 г. Автор поэтических книг «Шквал» (*“Rafale”*, 1954), «В память холодов» (*“En memoire du froid”*, 1987), «С открытым сердцем» (*“A cœur ouvert”*, 1989).

Публикуемые стихи взяты из сборника «Уходы» (*“Départs”*, 1992).

РОБЕР УДЛО (ROBERT HOUDELOT; род. в 1912 г.) — поэт, генеральный секретарь парижского Дома Поэзии. Юрист по образованию. Автор поэтических сборников «Утраченное время» (*“Le temps perdu”*, 1937), «Ты, спавшая в моих объятиях» (*“Toi qui dormais entre mes bras”*, 1947), «Где спит воспоминание» (*“Où dort le souvenir”*, 1950).

Публикуемые стихи взяты из сборника «Черный лавр и другие стихи» (*“Le laurier noir et autres poèmes”*, 1991).

ЛЮК ДЕКАОН (LUC DECAUNES; род. в 1913 г.) — поэт, прозаик, составитель поэтических антологий, лауреат премии Дома Поэзии. Работал учителем, воевал, был в плену, после войны много писал для французского радио. Автор поэтических сборников «Суть тайны» (*“Le sens du mystère”*, 1946), «Сама любовь» (*“L’amour lui-même”*, 1947), «Право взгляда» (*“Le droit de regard”*, 1951), романов «Черные мысли» (*“Les idées noires”*, 1946, премия Стендаля), «Ни о чем не жалею» (*“Je ne regrette rien”*, 1950).

Публикуемые стихи взяты из сборника «Поэзия» (*“Poésie”*, 1992).